

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Л.В. Полякова

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ул. Интернациональная, 33, Тамбов, Россия, 392000

Собрание «Писем русского путешественника» Карамзина рассматривается в контексте русской и мировой литературно-жанровой классики и как своеобразный стимулятор работы автора над многотомной «Историей государства Российского». Особое внимание обращено на связь «Писем» не только с документально-художественным эпистолярием Ш.М. Дюпати и повествованием К.Ф. Морица, но и со складывающейся национальной традицией путешествий, у истоков которой стоял Д.И. Фонвизин и которую по-родственному воспринял и существенно обогатил Ф.М. Достоевский.

Автор приходит к выводу о том, что непреходящая актуальность темы межнациональных, межгосударственных отношений, к XXI в. накопившей энергию одной из болезненных тем искусства, особая технология портретной живописи с использованием национально-сравнительных характеристик, колоритная многофункциональная жанровая палитра произведения — свидетельство выдающейся роли карамзинских «Писем русского путешественника» в развитии не только русской, но и мировой литературы. Полиморфный местнографический характер произведения располагает к использованию в его исследовании методологии филологической регионалистики с ее возможностями анализа «образов местности».

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, «Письма русского путешественника» и миропорядок XXI в., автор и его alter ego, литературный портрет, историческая повесть в письмах, традиции, новаторство, историко-литературный дискурс, филологическая регионалистика

В 2016 году мировая общественность отмечает 250-летний юбилей выдающегося деятеля русской культуры Н.М. Карамзина (1766—1826) — историка, прозаика и поэта, переводчика и публициста, мыслителя и яркой личности, последовательной в своей преданности России и служении ей. Его «Письма русского путешественника», одно из замечательных творений отечественной литературы, стали результатом путешествия двадцатитрехлетнего автора по странам Европы с мая 1789 г. по осень 1790 г., в беспокойный для Европы период, совпавший с Великой французской революцией, русско-шведской и русско-турецкой войнами. В целом, собрание писем создавалось на протяжении более десяти лет: первые главы были опубликованы в карамзинских «Московском журнале» (1791—1792)

и альманахе «Аглая» (1794—1795). Первое полное издание «Писем», с их сюжетными ситуациями из жизни революционной Франции и потому находящихся на особом учете цензуры, опубликовано в 1801 г., после смерти Павла I [3. С. 570]. Однако есть сведения о том, что писатель «дорабатывал их вплоть до 1820 года» [1. С. 61]. Произведение писателя быстро получило известность на Западе: дважды оно вышло на немецком языке, было переведено на английский (1803), польский (1802), французский (1815) языки. Оно оказало огромное влияние на русских писателей, настроения участников восстания декабристов 1825 г. Высоко ценил «Письма русского путешественника» А.С. Пушкин, посвятивший памяти Карамзина трагедию «Борис Годунов».

К большому юбилею Н.М. Карамзина накопилась богатая научная литература, создана фундаментальная исследовательская база; в отечественном литературоведении давно сформировано и продолжает развиваться целое научное направление с условным названием «карамзинистика». С ним связана плеяда классиков российского литературоведения, специалистов по литературе Нового времени: П.Н. Берков, Д.Д. Благой, В.Э. Вацуро, Я. К. Грот, Г.А. Гуковский, А.В. Западов, Ю.М. Лотман, Г. П. Макогоненко, П.А. Орлов, И.З. Серман, Н.С. Тихонравов и др. И все же время стремительно убыстряет свой бег, закрепляет статус базовых научно-исследовательских ценностей, ставит новые бытийные проблемы, намечает новые пути прочтения литературно-художественного наследия.

В одной из ранних статей — «Литературные мечтания. *Элегия в прозе*» — В.Г. Белинский отнес Карамзина к числу художников, «встретивших век Александра и справедливо почитавшихся лучшим украшением начала оного», и здесь же написал: «Карамзин — вот актер нашей литературы, который еще при первом своем дебюте, при первом своем появлении на сцену, был встречен и громкими рукоплесканиями, и громким свистом! Вот имя, за которое было дано столько кровавых битв, произошло столько отчаянных схваток, переломлено столько копий!» [1. С. 68]. Здесь же критик сообщил: «Подобно Карамзину, Пушкин был встречен громкими рукоплесканиями и свистом, которые только недавно перестали его преследовать...» [1. С. 85]. И как бы для сближения талантов и места двух писателей в национальной истории культуры В.Г. Белинский их именами назвал целые самостоятельные и следующие один за другим историко-литературные периоды: карамзинский (после ломоносовского) и пушкинский. «Карамзин отметил своим именем эпоху в нашей словесности; его влияние на современников было так велико и сильно, что целый период нашей литературы от девяностых до двадцатых годов по справедливости называется периодом карамзинским», — писал литературный критик [1. С. 70]. Вместе с тем автор «Литературных мечтаний» решительно не принял «Писем русского путешественника» и констатировал: «...ничтожность его «Писем русского путешественника» происходит больше от его личного характера, чем от недостатка в сведениях. Он не совсем хорошо знал нужды России в умственном отношении...» [1. С. 73].

Исследователи творчества Карамзина давно скорректировали оценку Белинского. Например, Г.П. Макогоненко в обстоятельном предисловии к отдельному изданию «Писем русского путешественника» пишет о том, что путешественник не только наблюдает и записывает — он обобщает, анализирует, высказывает соб-

ственную точку зрения; отмечает вредное влияние полицейской государственности Германии на жизнь нации и именно конституционный строй Швейцарии и Англии воспринимает основой благополучия этих наций. Г.П. Макогоненко напоминает, что был момент, когда писателю казалось, что не революция, а просвещение нужно народам для их процветания. Современный ученый подчеркивает: несмотря на высокую оценку Карамзиным опыта Л. Стерна, «Письма» Карамзина самобытны в способах раскрытия и сути взгляда путешественника на европейскую жизнь, в четко выраженной русской мысли. Автор предисловия логично настаивает на дифференциации в «Письмах» позиции образа путешественника и самого Карамзина, который действительно чувствовал необходимость четче прочертить эту границу и в 1797 г. в гамбургском журнале «Северный зритель» на французском языке опубликовал свою статью «Несколько слов о русской литературе», в которой не только изложил структуру и содержание «Писем», но и сформулировал концепцию революции: путешественник осуждает революционеров, Карамзин же объясняет ее исторически, с учетом пройденного пути конкретной нацией. «Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбу человечества на долгий ряд веков, — заключил Н.М. Карамзин. — Начинается новая эпоха. Я это вижу, а Руссо предвидел» [3. С. 566]. Русский путешественник в «Письмах» — это, конечно, во многом alter ego их автора. Все так. Но самое, казалось бы, неожиданное состоит в том, что это произведение конца XVIII в. оказалось для конца XX — начала XXI столетий, для нашего времени, не просто актуальным, а даже злободневным.

Актуальность материала и поставленных проблем — это бесспорный показатель непреходящей ценности карамзинского сочинения, его во многом прогностического характера. В международном пространстве, начиная с эпохи Петра Первого, ни на одно десятилетие не терял своей остроты вопрос об отношениях России и Запада. Сегодня он многое определяет в судьбах всего человечества. Увидеть и осмыслить широкую картину европейского «эльдорадо», рассказать о нем русскому читателю, сравнить с российской действительностью, воплотить увиденное в доступные и понятные образы и сюжеты поставил своей целью в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзин. Однако в процессе подготовки «Писем» к публикации работа над ними затянулась, и эпистолярный постепенно превращался в своеобразный социально-философский трактат, насыщенный конкретными историческими фактами и размышлениями, которые напроочь отвергали серьезность херасковского резюме:

Всякий мысли взводит выше,
Только лучше жить потише.

Жить по рекомендации лирического героя Хераскова не могли ни Карамзин, ни его сентиментальный русский путешественник. Чувство национального самосознания появляется и постепенно укрепляется у него по мере изучения жизни Западной Европы и сравнения ее с тем, что он знает о настоящем и прошлом своей собственной страны. «Слыша песни на берегах Роны, он находит в них сходство с русскими народными песнями; глядя на памятник Людовику XIV, размышляет о Петре I; оказавшись в кругу лейпцигских ученых, рассказывает им о

русской поэзии, и т.д. Карамзин проявляет живой интерес к «Истории России», написанной французским автором П.-Ш. Левоком» (1). С огорчением он констатирует, что иностранцы имеют поверхностное, а нередко даже превратное представление о русской истории» [7. С. 758], это замечено Н.Д. Кочетковой в работе, опубликованной в последней трети XX в. Однако и в веке XXI отмеченный акцент Карамзина не только не потерял своей значимости, но прочитывается нами по-особому, воспринимается как эпохальная потребность в переменах.

Многие страницы насыщены эпизодами из разговоров путешественника с европейцами о России.

Вот первый иностранный город, — отмечает путешественник. — Митава в Курляндии. Выехав из Митавы, увидел я приятнейшие места... Я лег на траве под деревом... Между тем вышли на берег два немца... легли подле меня на траве, закурили трубки и от скуки начали бранить русский народ. Я, перестав писать, хладнокровно спросил у них, были ли они в России далее Риги? «Нет», — отвечали они. «А когда так, государи мои, — сказал я, — то вы не можете судить о русских, побывав только в пограничном городе». Они не рассудили за благо спорить, но долго не хотели признать меня русским, воображая, что мы не умеем говорить иностранными языками [3. С. 37].

А вот сцена в Пруссии: в корчме под Тильзитом состоялся диалог русского путешественника и немецкого поручика:

Поручик. ...Откуда едете, если смею спросить, государь мой?

Я. Из Петербурга, господин поручик.

Поручик. Радуюсь, радуюсь, государь мой. Что слышно о шведах, о турках?

Я. Старая песня, господин поручик; и те, и другие бегают от русских.

Поручик. Черт меня возьми! Русские стоят крепко... племянник мой служит старшим адъютантом у князя Потемкина... Он описывает мне взятие Очакова. Пятнадцать тысяч легли на месте, государь мой, пятнадцать тысяч!

Я. Неправда, господин поручик, ... знаю, что турков убито около 8000, а русских 1500.

Перед вечером по пути из Кёнигсберга путешественник приехал в Эльбинг, где «стоят два или три полка»; по дороге «еще не видал я порядочно одетого человека... Карикатура за карикатурой приходила в трактир, и всякая карикатура требовала пива и трубки. Мне было очень скучно...». В коляску подседа «старая женщина»: «Женщина, родом из Шведской Померании, услышав, что я русский, подняла руки к небу и закричала: «Ах, злодеи! Вы губите нашего бедного короля!». Офицеры смеялись, и я смеялся, хотя не совсем от доброго сердца» [3. С. 54, 55].

Трактир в Керлине:

«Что, будет ли у нас война, господа офицеры?», — спросил у моих товарищей старик, трактирщик в Керлине. «Не думаю», — отвечал капитан. «Дай бог, чтобы и не было! — сказал трактирщик. — Я боюсь не австрийских гусаров, а русских казаков. О! Что это за люди!» — «А почему ты их знаешь?» — спросил капитан. «Почему? Разве они не были в Керлине? Ничто не уйдет от их пики. К тому же у них такие страшные лица, что меня по коже подирает, когда вообразу их!» — «Да вот русский казак!» — сказал капитан, указав на меня. «Русский казак!» — закричал трактирщик и ударился затылком в стену. Мы все засмеялись, а трактирщик захохотал. «За эту шутку вы заплатите мне дорожку, господа!» — сказал он, взяв кофейник из рук служанки» [3. С. 60].

Еще сцена, в Берлине, у почтового дома, в трактире:

Блум, «трактирщик английского короля в Братской улице»: «Вы из России приехали? — «Из России. Итак...» — «У вас все войною занимаются?» — «Да, господин Блум, у нас война...Прикажите мне указать комнату...» Господин Блум от меня не выходил, беспрестанно говорил, и наконец мне же вздумал рассказывать, что у нас в России делается. «Послушайте, господин Блум, — сказал я, — это все писано к вам от первого числа апреля по старому или по новому стилю», — «Как, государь мой?» — Как вам угодно» — отвечал я, — взял трость и пошел со двора» [З. С. 66].

Подобные диалоги из бесед русского путешественника со служителями и обитателями дорожных заведений, трактиров, гостиниц на страницах «Писем» многочисленны и свидетельствуют об интересе к жизни России и нескрываемом, внушенном реальными обстоятельствами и небылицами страхе перед нею. Перед ее великим воинством. Совсем другими красками написаны сцены встреч путешественника в «стране бурных гениев» с представителями прежде всего немецкой философии, культуры, литературы. Именно эти встречи были целенаправленными, входили в планы и цели писателя: Иоганн Готфрид Гердер — мыслитель, разработавший философию истории человечества на основе философии языка и речи, основоположник европейской славистики, культуролог, писатель, литературный критик и теолог; Карл Филипп Мориц — философ, писатель, один из основателей психолингвистики, культуролог, искусствовед, автор теорий веймарского классицизма, изящных искусств, орнамента, профессор Королевской академии наук в Берлине (Карамзин чувствовал душевное родство с ним, относился к нему «с великим почтением», «с великим удовольствием» прочитал его «Путешествие немца в Англию» и психологический роман «Антон Рейзер»); Кристоф Мартин Виланд — поэт и идеолог немецкого рококо, автор нашумевшей «Истории абдеритов»; Карл Вильгельм Рамлер — поэт-классицист и переводчик античных авторов, «немецкий Гораций» и другие европейские деятели. Родство душ и интересов объединяло Карамзина и с Иоганном Каспаром Лафатером — швейцарским писателем, богословом, психологом, заложившим основы криминальной антропологии, разработавшим сто принципов физиогномики.

Запоминается описание встречи русского путешественника со «славным», «все сокрушающим» Иммануилом Кантом. Личность и метафизика этого основателя немецкой классической философии интересовали Карамзина по-особому. Притягивал масштаб его личности. Этот масштаб во многом накладывал отпечаток и на восприятие города философа — Кёнигсберга. («Кёнигсберг, столица Пруссии, есть один из больших городов в Европе...выстроен едва ли не лучше Москвы»):

«Я не имел к нему писем, но смелость города берет, — и мне отворились двери в кабинет его, — пишет Карамзин. — Меня встретил маленький, худенький старичок, отменно белый и нежный. Первые слова мои были: «Я русский дворянин, люблю великих мужей и желаю изъяснить мое почтение Канту». Он тотчас попросил меня сесть, говоря: «Я писал такое, что не может нравиться всем; не многие любят метафизические тонкости... Я утешаюсь тем, что мне уже шестьдесят лет и что скоро придет конец жизни моей, ибо надеюсь вступить в другую, лучшую... Говорю о нравственном законе... Он записал мне титулы двух своих сочинений, которых я не читал: “*Kritika der praktischen*

Vernunft” и “Metaphisik der Sitten” (2) — и сию записку буду хранить как священный памятник... Вот вам, друзья мои, краткое описание весьма любопытной для меня беседы, которая продолжалась около трех часов. — Кант говорит скоро, весьма тихо и невразумительно... Домик у него маленький, и внутри приборов немного. Все просто, кроме... его метафизики» [З. С. 47—49].

Иначе, чем Германия в ее общем национальном портрете, запечатлена писателем на страницах «Писем» Франция. Эти страницы заполнены теплой акварелью, а повествование обретает черты дифирамба. Описание национального облика именно французов занимает большую местнографическую часть эпистолярия. Эпиграфом здесь можно было бы поставить карамзинское восторженное: «Какая земля! Какая нация!» [З. С. 292]. Для создания портрета Франции и французов Карамзин использует прием письма в письме:

«Скажу: *огонь, воздух* — и характер французов описан, пишет русский путешественник знакомой даме. — Я не знаю народа умнее, пламеннее и ветренее вашего... Никто, кроме его не умеет приласкать человека одним видом, одною вежливою улыбкою... Я хочу жить и умереть в моем любезном отечестве, но после России нет для меня земли приятнее Франции... Жаль, если эта ужасная политическая перемена должна переменить и характер народа, столь веселого. Остроумного, любезного!». И хотя содержание этого письма рассчитано на француженку, его автор уже и вне текста письма искренен в своем объяснении в любви Парижу: «Я оставил тебя, любезный Париж, оставил с сожалением и благодарностью!...» [З. С. 438, 439].

И все же и здесь, в любимом Париже, путешественник сталкивается с тем, что его «серебряное перо» спешит непременно записать, зафиксировать, как и в случае со встречами на немецкой земле: его удивляют случаи проявления настороженного отношения французов к русским, как это и проявилось в трогательной сцене в парижском оперном театре, во время встречи в ложе с Незнакомкой. Взаимные симпатии молодых людей, их диалог — и финал неожидан. Именно диалоговую речь, столь успешно испытанную Карамзиным даже в статье — «Разговор о счастии» (1797), он активно эксплуатирует не только в этой сцене «Писем», обновляя тем самым эпистолярную стилистику произведения:

Незнакомка... Да что же Вам мешает быть поближе, если розы для вас приятны? Здесь есть место... Вы англичанин?

Я. Если англичане имеют счастье вам нравиться, то мне больно назваться русским...

Незнакомка. Я, право, думала, что вы англичанин. Я без ума от этой нации...

Незнакомка. Хорошо вам сейчас, сударь?

Я. Превосходно, сударыня, рядом с вами...

Она засмеялась, посмотрела на часы; встала... и, сказав мне: «Всего доброго, сударь!» — ушла вместе с другою дамой. Я изумился... Не дожидаться прекрасного балета... Странно! [З. С. 370—373].

Спустя почти сорок лет после выхода академической «Истории русской литературы XVIII века» с главой Н.Д. Кочетковой о Карамзине мы имеем основание говорить уже не просто о «поверхностном», следовательно «превратном» представлении европейцев о русской истории, а об их намеренно тенденциозных оценках, о целенаправленном искажении исторической истины, о целенаправленном

снижении образа России и русского человека. И это исторически обусловленная черта. Однако услышанное в Европе предвзято негативное о своем отечестве активизировало желание Карамзина рассказать о подлинной России и сподвигло его на написание фундаментального труда «История государства Российского».

Завершен и колоритен на страницах «Писем» портрет Англии и англичан:

«нигде, может быть, сельская природа так не украшена, как в Англии»; «англичане просвещены и рассудительны... здесь ремесленники читают “Юмову историю”, служанка — Йориковы проповеди и “Клариссу”, здесь лавошник рассуждает относительно о торговых выгодах своего отечества, и земледелец говорит вам о Шеридановском красноречии; здесь газеты и журналы у всех в руках не только в городе, но и в маленьких деревеньках»; англичанки «милы своею красотою и чувствительностью»; «англичане любят благотворить, любят удивлять своим великодушием», «они в чужих землях гораздо щедрее на благодеяния, нежели в своей, думая, что в Англии... хороший человек не может быть в нищете... Здесь бедность делается пороком»; «англичане честны, у них есть нравы, семейная жизнь, союз родства и дружбы... Позавидуем им!»; «не конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум», а «английский народ считает нас, чужеземцев, какими-то несовершенными, жалкими людьми». И итог: «Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выеду из нее без сожаления» [3. С. 517—523].

Эту часть статьи с портретами стран и их жителей в «Письмах русского путешественника» — еще и с напоминанием о тревожно сравнительном контексте распространенного отношения некоторых европейцев к нам, русским, сегодня — логично завершить одним из августовских «писем» Карамзина из Цириха 1789 г. Автор вернулся с интересной и теплой встречи со швейцарцем И.К. Лафатером, слушает пение юноши за окном. «Какая приятная, тихая мелодия нежно потрясает нервы моего слуха!..» Вот рефрен этой песни: «Отечество мое! Любовью к тебе горит вся кровь моя; для пользы твоей готов ее пролить; умру твоим нежнейшим сыном» [3. С. 166]. И в конце книги «Писем», на последней странице, слова самого только что ступившего на родную землю вернувшегося домой путешественника. Кронштадт:

Берег! Отечество! Благославляю вас! Я в России... Всех останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русских людей... Перечитываю теперь некоторые из своих писем: вот зеркало души моей в течение осьмнадцати месяцев! [3. С. 528].

Добавим — души нравственно богатой и чистой, лирической и неподкупной, ищущей и мирозозидающей, дающей людям и отечеству прочную духовную и гражданскую опору. Признания автора четко сформулированы, и их слышит читатель, они написаны Карамзиным в «Письме в “Зритель” о русской литературе», открывающем статью «Несколько слов о русской литературе» с авторскими комментариями «Писем русского путешественника»:

Я видел первые нации Европы, их нравы, их обычаи... Пусть другие гонятся за фортуною, за чинами; я презираю роскошь и быстро преходящие знаки отличия, ослепляющие чернь; но я хотел бы быть достойным уважения народа...» [3. С. 568].

Эпистолярный Н.М. Карамзина создавался в условиях уже сложившейся не только в русской, но и мировой литературе конца XVIII в., так сказать, «райзен-литературной» традиции, традиции создания не столько известной литературно-художественной приключенческой классики типа романов Дефо, Свифта, Смоллетта или даже Стерна с его «сентиментальным» Йориком, сколько документально-художественной прозы путешествий. Бесспорно, Карамзин работал в одном ключе со своим современником К.Ф. Морицем, чей автобиографический психологический роман в четырех частях «Антон Райзер» (1785—1790) предпочел «всем систематическим психологиям в свете» и встрече с которым в «Письмах» посвящены яркие страницы. Именно он, специалист по языкознанию, от имени европейцев говорит Карамзину (путешественнику) о том, что может наступить время, когда «мы будем учиться и русскому языку». Именно «Путешествие немца по Англии» (1783) и «Путешествие немца по Италии» (1792—1793) Морица и «Письма об Италии в 1785 году» (1788) французского писателя Ш.М. Дюпати [8. С. 255—272] вместе с «Письмами русского путешественника» Карамзина позволяют говорить о едином историко-литературном и жанровом контексте мировой литературы, и, пожалуй, в большей степени, чем стернианский тип литературно-художественного путешествия. Эти произведения объединяет и актуальнейшая идея роли литературы, культуры в укреплении межнациональных союзов мира, взаимопонимания и доверия между народами.

С другой стороны, «Письма» Карамзина по мере работы над ними автора на протяжении целого десятилетия все нагляднее обозначали и другой историко-литературный контекст, национальный, связанный с именем прежде всего Д.И. Фонвизина, в 1777—1778 гг. совершившего поездку во Францию, а позже посетившего Германию и Италию. О впечатлениях от Франции накануне Великой революции он поведал на страницах своих «Записок первого путешествия», адресованных в основном П.И. Панину, брату Н.И. Панина, руководителя Коллегии иностранных дел, у которого Фонвизин работал секретарем. В «Записках» писатель сравнивал жизнь Франции и России и приходил к выводу о том, что «вольность есть действительно первый дар природы, и что без нее народ мыслящий не может быть счастлив», однако она должна быть «устроена сообразно с физическим положением государства и моральным свойством нации» [10. С. 264, 474], что для народа, привыкшего жить в неволе, этот дар, вдруг возвращенный, может быть губителен, может стать причиной даже уничтожения самого государства. Именно эта традиция, заложенная в отечественной словесности, продолженная А. Радищевым, в 1790 г. издавшим «Путешествие из Петербурга в Москву», а потом во многом и Карамзиным в «Письмах русского путешественника», вливалась в мировое искусство литературных путешествий новый национальный колорит, расширяла онтологическое, социальное пространство прозы, вводила нового героя—путешественника с его представлениями о долге и служении Отечеству. В рамках этой традиции с разными нюансами и акцентами у разных писателей формировалось и стремление авторов постичь характер своего зарубежного современника, западноевропейского человека с все более укореняющимся в его душе, по Достоевскому, «начала особняка, усиленного самосохранения, самопромышления,

самоопределения в собственном Я, сопоставления этого Я всей природе и всем остальным людям...» [2. С. 428].

Именно Ф.М. Достоевского следует считать прямым продолжателем русской традиции в развитии литературы путешествий. Известно, что он любил и почитал Карамзина с детских лет, и открытия автора «Писем», конечно же, не могли остаться для него творчески не востребованными. Достоевский обогатил опыт Карамзина и Фонвизина видением особого пути России, размышлениями, сложившимися в концепцию «соборности» и теорию «почвенничества». Он считал, что в отличие от Европы особый исторический путь России поможет ей избежать европейских революционных потрясений, которые привели лишь к укреплению индивидуалистического «подполья» человека, когда господствующий индивидуализм отодвигает в сторону всякое помышление об общем благе. В натуре же русского человека, по его убеждению, живет «потребность братской общины». Именно она сумела сохранить народ, «несмотря на вековое рабство, на нашествия иноплеменников».

Восторгаясь оценкой Фонвизина, заложенной в его фразу, адресованную распространённому типу жителя Франции: «Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье», Достоевский воскликнет: «Бьюсь об заклад, что у него щекотало от удовольствия на сердце, когда он ее сочинял» [2. С. 393]. После первого посещения Европы в 1862—1863 гг. он написал свои знаменитые «Зимние заметки о летних впечатлениях», в которых не скрыто имя Карамзина и вполне сознательно повторена форма обращения автора к своим «дорогим», «друзьям», оставшимся в России. Заметки Достоевского в первой публикации 1863 г. имели целенаправленный подзаголовок «Фельетон за все лето» и содержали обобщенную характеристику европейца: «...в западном человеке нет братского начала, а, напротив, начало единичное, личное, беспрерывно ослабляющееся, требующее с мячом в руке своих прав» [2. С. 430].

Своеобразный страноведческий контекст «Писем русского путешественника», созданные на их страницах ярко индивидуализированные портреты Германии, Швейцарии, Франции и Англии, многих европейских городов, прежде всего столичных, и их жителей располагают к анализу вопроса о мастерстве Карамзина в создании литературного, в том числе литературно-географического портрета. И об этом, надо сказать, пишет каждый литератор, кто хоть однажды обращался к карамзинским «Письмам». Однако до сих пор еще не написано основательное специальное исследование на эту тему. Карамзин, блистательно владея искусством портретной живописи, аккумулировал в ней исторические, историко-культурные, в частности, мифологические, государственные, социально-бытовые реалии, этнические и психологические характеристики. В галерее портретов, в тексте и подтексте произведения — обобщенные образы любимой России и русского человека. Именно портретная живопись карамзинского эпистолярного жанра стала ступенью, необходимой школой овладения сложным материалом многотомного труда «История государства Российского», над которым писатель вплотную начал работать сразу после первого издания полного текста «Писем» (3).

В своем фундаментальном предисловии к изданию «Писем» Карамзина Г.П. Макогоненко заметил: «Оригинальность “Писем русского путешественника”

до сих пор недостаточно раскрыта» [3. С. 17]. Это написано в уже далеком от нас 1980 г., однако и сегодня еще недостаточно осмыслены содержательный, эстетический континуумы, художественная целостность произведения и прежде всего структурные функции образов автора и путешественника. А именно эти образы остаются загадкой для исследователей. Полагаю, большой юбилей классика еще более активизирует внимание специалистов к этой проблеме и непосредственно связанному с ней вопросу о жанрово-родовой природе карамзинского произведения, об особенностях литературы путешествий вообще.

Генологический интерес к «Письмам» Карамзина, уникальному памятнику литературы конца XVIII в. был всегда стойким: со дня первых разрозненных публикаций эпистолярия читателю непременно хотелось вычислить степень его автобиографизма, правды и вымысла. Решение этой проблемы способно пролить свет не только на жанровую природу или восприятие, восприятие литературного характера, но и на оценки творческой индивидуальности писателя в целом. Потому закономерна и своевременна была публикация в 2004 г. русского перевода обобщенного исследования «Подлинность и вымысел в авторском сознании русской литературы путешествий 1790—1840» А. Шёнле, акцентировавшего эту тему в зарубежном и отечественном литературоведении последнего десятилетия. Этот период в науке о Карамзине ознаменован поисками новаторских решений как раз проблемы специфики героя литературных путешествий.

Начиная с 1960-х гг., времени ослабления излишне прямолинейного социологизма в некоторых подходах исследователей к художественной литературе, в оценках карамзинского путешествия, можно сказать, общепринятыми стали формулировки, например, Г.П. Макогоненко: «Конечно, и читатель XVIII века и современный знают, что путешествие совершил Карамзин, что он автор “Писем”. Но нельзя забывать, что он создал художественное произведение, и все в нем написанное, в том числе и образ Путешественника, должно воспринимать по законам художественного изображения и познания жизни» [3. С. 18] или Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского: «взгляд на это сочинение как на описание действительных путевых впечатлений иллюзорен» [4. С. 567]. Однако с 2005 г. в зарубежной печати начали появляться материалы немецкого исследователя, проживающей в США, Герды Панофски, на основе архивных, рукописных материалов и документов разных служебных учреждений корректирующей подобный подход, вычислившей даже, что стоимость путешествия в 1800 рублей, приведенная биографом Карамзина М.П. Погодиным, слишком мала, и утверждающей, что «Письма» русского писателя имеют строго документальный характер. Эти наблюдения и полемика со своими российскими и зарубежными предшественниками собраны под обложкой ее монографии «Николай Михайлович Карамзин в Германии: вымысел как факты» [13], где речь идет не только о германских впечатлениях путешественника. Анализ научной концепции Г. Панофски и ее книги представлен в ярко и убедительно написанной рецензии И. Клейна на это издание «“Письма русского путешественника” как документальный источник» [6]. И все же, соглашаясь с отношением рецензента к кропотливому труду Г. Панофски как к «настоящему сокровищу исторической информации не только о Карамзине», принимая и его оговорку в том, что нельзя согласиться полностью с концепцией

абсолютной фактической точности карамзинских писем, предложенной автором монографии, осознавая факт отсутствия в «Письмах» реального адресата, а обращение к «милым», «друзьям моим» являются художественным приемом, расширяющимся, конечно же, на все произведение с его стилистикой, композиционным каркасом, сюжетикой, логикой художественных решений, приходишь к выводу о необходимости целенаправленного анализа прежде всего трех дефиниций в характеристике литературного героя «Писем»: путешественника как автора писем, художественного образа Карамзина как его alter ego и литературного типа, в котором соединены черты путешественника и самого писателя. Синтезом этой проблематики станет вопрос об автобиографизме произведения, то есть тот самый, который и должен прояснить ситуацию с документально-художественным балансом или другим уровнем взаимодействия структурно-поэтических реалий произведения. А это не простой материал, он требует скрупулезнейшего анализа текста «Писем» с учетом всех сложностей современных научных представлений о таком явлении, как «текст» литературного произведения и прежде всего текст локальный: петербургский, воронежский, сибирский, крымский, итальянский и другие.

Сохраняют свою дискуссионность и существующие ныне взгляды на характер многофункциональной документально-художественной жанровой природы «Писем русского путешественника». В имеющейся научной литературе употребляются определения: «исповедальные письма», «дорожные письма», «эпистолярный», «исповедальный дневник», «записки», «очерки», «остропсихологическая повесть». Сам Карамзин среди других употребил и «мои эскизы» [3. С. 528]. Есть все основания для включения карамзинских «Писем» в более крупную жанрово-родовую модель, во-первых, классической мировой литературно-художественной и публицистической местнографии, урбанистики, в ряд произведений, где созданы образы конкретных географических поселений, распространив таким образом на процесс изучения произведения активно внедряемый в современную практику историко-литературного анализа инструментарий локально-исторического метода, критериальное обоснование которого было предложено еще Н.П. Анциферовым и сегодня успешно возрождено в научном направлении ученых Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН под руководством Н.В. Корниенко [6. С. 186]. Карамзинские «Письма» должны занять свое место и в системе документально-художественной регионалистики, не только с урбанистическим, но и страноведческим ее вектором [9. С. 186—201]. А это один из ярких материков современной науки о литературе, который вполне успешно осваивается ныне гуманитариями. Во-вторых, с учетом содержания произведения, насыщенного конкретными документальными, историческими реалиями из жизни Западной Европы и России, произведение Карамзина может стать предметом исследования как историческая повесть в письмах, логикой авторского мироотношения, хронологией и психологией творчества писателя связанная с его многотомной «Историей государства Российского», в которой легко узнается Карамзин-художник.

Пророчески угаданная Н.М. Карамзиным непреходящая и драматически напряженная актуальность темы европейско-русского взаимодействия, укре-

пление национальной традиции и новаторский характер литературного героя, художественно-документальной структуры произведения в целом, выраженной в сочетании почти пропорционально расставленных документальных и поэтических реалий, мастерски написанные колоритные портреты стран, городов и их жителей, особый жанровый градус эпистолярия с его нравственным и социально-философским пафосом, место памятника в творческой эволюции мыслителя и ставшего крупным явлением в литературе путешествий, ее истоком и одновременно сформированным руслом, — свидетельство выдающейся роли «Писем русского путешественника» в развитии национальной и мировой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Пьер-Шарль Левек по рекомендации Дидро в 1773—1780 гг. преподавал в России, его пятитомная «История России» издана в 1782 году, за семь лет до начала путешествия Н.М. Карамзина. — *Л.П.*
- (2) «Критика практического разума» и «Метафизика нравов» (пер. с нем. Н.М. Карамзина).
- (3) Очевидно есть своя тайна в реализации творческой индивидуальности: логика мироотношения, например, Т. Дж. Смоллетта вела его, наоборот, от написанной им истории родной страны («Истории Англии», 1758) к «Путевым заметкам о путешествии по Франции и Италии» (1766).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Белинский В.Г.* Эстетика и литературная критика: В 2 т. Т. I. М.: ГИХЛ, 1959. 702 с.
- [2] *Достоевский Ф.М.* Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 4. Л.: Наука, 1989. 784 с.
- [3] *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Сост. Н.Н. Акоповой; предисл. Г.П. Макогоненко; примеч. М.В. Иванова. М.: Правда, 1980. 607 с.
- [4] *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Изд. подготовили Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1984. 727 с.
- [5] *Клейн И.* «Письма русского путешественника» как документальный источник // НЛО. 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/105/kl41.html> (дата обращения 10.05.2016).
- [6] *Корниенко Н.В.* От редактора. Филология прошлого и будущего // Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 584 с.
- [7] *Кочеткова Н.Д.* Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: В 4 т. Т. 1. Л.: Наука, 1980. 816 с.
- [8] *Лаппо-Данилевский К.Ю.* К истории русских переводов «Писем об Италии в 1785 году» Ш.М. Дюпати // XVIII век. Сборник 23 / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 2004.
- [9] *Полякова Л.В.* Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы. 2015. Вып. 3.
- [10] *Фонвизин Д.И.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2 / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. Г.П. Макогоненко. М.; Ленинград: ГИХЛ, 1959. 745 с.
- [11] *Чавчанидзе Д.* Два «путешествия» на исходе XVIII века (К.Ф. Мориц и Н.М. Карамзин) // Балтийский филологический курьер. 2014.
- [12] *Шёнле А.* Подлинность и вымысел в авторском сознании русской литературы путешествий 1790—1840 / Перевод с англ. СПб.: Академический проект, 2004. 271 с.
- [13] *Panofsky Gerda S.* Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: fiction as facts. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. 181 p.

“LETTERS OF THE RUSSIAN TRAVELLER” BY N.M. KARAMZIN IN HISTORICAL AND LITERARY DISCOURSE TO THE 250-TH ANNIVERSARY OF THE WRITER

L.V. Polyakova

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
International str., 33, Tambov, Russia, 392000

In the article we deal with the collection of the “Letters...” by N.M. Karamzin analyzing them in context of the Russian and world literary genre tradition. The mentioned collection is thought of as some source of motivation inspiring the writer in his work with “The History of the Russian State”. A special attention is paid not only to the connection of Karamzin’s letters with epistolary intercourse by Sh.M. Djupati, but also with the narrative by K.F. Moriz and the Russian national tradition, the dawn of which is connected with the figure of D.I. Fonvizin and which was accepted as native one and greatly enriched by F.M. Dostoevsky. The author comes to the conclusion that international and inter-state relations is a topic which has become eternal in the sphere of art by the XXI-st century and which will always be up-to-date; a special portrait painting technology including the usage of national and comparative characteristics, the wide and multifunctional colour range as well as the symbiosis of various genre form does underline the importance of the “Letters...” by N.M. Karamzin in the development not only Russian, but world literature as well. The polymorphic and regional character of the named collection inspires the usage of the philological regionalistics methodology and all of its possibilities while analyzing “local images” in the mentioned literary work

Key words: N.M. Karamzin, “Letters of the Russian Traveller” and XXI-st century world order, the author and his alter ego, the literary portrait, the historical narrative in letters, innovation, historical and literary discourse, the philological regionalistics

REFERENCES

- [1] Belinskiy V.G. Estetira i literaturnaya kritika [Aesthetics and Literary Criticism]: V 6 t. T. 1. M.: Gosudarstvennoe isdatelstvo khudozhestvennoy literatury [State Publishing House of Fiction], 1959, 702 p.
- [2] Dostoevskiy M.M. Zimnie zametki o lethikh vpechatleniyakh [Winter Notes about Summer Impressions]. Dostoevskiy F.M. Sobranie sochineniy: V 15 t. T. 4. L.: Nauka [F.M. Dostoevsky. The Collected Edition in 15 v. V. 4. Leningrad: Science], 1989. 784 s.
- [3] Karamzin H.M. Pisma russkogo puteshestvennika [Letters of a Russian Traveler]. Sostavlenie N.N. Akopovoy; predislovie G.P. Makogonenko: primechaniya M.V. Ivanova. M.: Isdatelstvo «Pravda» [«Truth»], 1980, 607 p.
- [4] Karamzin H.A. Pisma russkogo puteshestvennika [Letters of a Russian Traveler]. Izdanie podgotovili Yu.M. Lotman, N.M. Marchenko, B.A. Uspenskiy. Leningrad: Nauka [Science], 1984, 727 p.
- [5] Klein I. «Pisma russkogo puteshestvennika» kak dokumentalnyy istochnik [“Letters of a Russian Traveler” as a Documentary Source]. NLO. 2010. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/105/k141.html> (accessed data of 10.05.2016).
- [6] Kornienko N.V. Ot redaktora. Filologiya proshlogo i buduschego [Editor’s Note. Philology of Past and of Nowadays]. Anziferov N.P. Problemy urbanizma v russkoy rхудozhestvennoy literature. Opyt postroeniya obraza goroda — Peterburga Dostoevskogo — na osnove analiza literaturnykh traditsiy. M.: Institut mirovoy literatury imtni A.M. Gorkogo RAN [Russian Academy of Sciences], 2009, 584 p.

- [7] Kochetkova N.D. Sentimentalizm. Karamzin [Sentimentalism. Karamzin]. Istoriya russkoy literatury: V 4 t. T. 1. Redaktor toma D.S. Likhachev i G.P. Makogonenko. L.: Nauka [Science], 1980, 816 p.
- [8] Lappo-Danilevskiy K.Yu. K istorii russkikh perevodov «Pisem ob Italii v 1785 godu» Sh.M. Dyupati [On the History of the Russian Translations of “Letters about Italy in 1785” by Sh.M. Dupati]. XVIII vek. Sbornik 23 / Otvetstvennyy redactor N.D. Kochetkova. SPb: Nauka [Science], 2004.
- [9] Polyakova L.V. Filologicheskaya regionalistika kak nauka [Philological Regionalistics as a Science]. *Voprosy literatury*. 2015. Vypusk 3.
- [10] Fonvisin D.I. Sbranie sochineniy: V 2 t. T. 2 [The Collected Works: In 2 v. V. 2]. Sostavlenie, podgotovka tekstov, vstupitel'naya statya i kommentarii G.P. Makogonenko. M.; L.: Gosudarstvennoe isdatelstvo khudozhestvennoy literatury [GIHL], 1959, 745 p.
- [11] Chavchanidze D. Dva «puteshestviya» na ishode XVIII veka (K.F. Moriz i N.M. Karamzin) [The two “travellings” at the end of the XVIII-th century (K.F. Moriz and N.M. Karamzin)]. *Baltiyskiy filologicheskii kuryer*. 2014.
- [12] Shenli A. Podlinnost i vymysel v avtorskom soznanii russkoy literatury puteshestviy 1790—1840 [Truth and Fiction in the Mind of the Author in the Russian Travel Literature 1790—1840]. *Perevod s angliyskogo*. SPb.: Akademicheskii proekt [Academic Project], 2004.
- [13] Panofsky Gerda S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: fiction as facts. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010, 181 p.